
СЕТЬ КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ ФОРМАТ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ

КАРИНЕ ЯРАЛЯН

Технологическая революция, ускорившая коммуникационные процессы, превратила информацию в основной ресурс общественного развития. В результате мы столкнулись с обновленным форматом социально-экономических и политических отношений, образовательной деятельности, индустрии развлечений, повседневности и быта, способом реализации которого стали информационно-коммуникационные сети. Данная структурная особенность социальной системы и определила трактовку современного общества как сетевого. При этом отметим, что под социальной структурой подразумевается внутреннее устройство общества, состоящее из упорядоченных частей, взаимодействующих между собой в определенных рамках¹.

Рассмотрение нашего общества как сетевого, так же как и другие его интерпретации, требует достаточного обоснования, что само по себе непростая задача. Именно поэтому большинство исследователей задается вопросом о сути сети вообще. Речь идет об обнаружении базиса, который позволит нам называть наше общество сетевым. В принципе историю информационных сетей можно напрямую связать с появлением почты, телефона и телеграфа, не говоря уже о том, что само понятие “сеть” приложимо практически ко всем сторонам человеческого бытия: сетевые структуры существуют во всех сферах и на всех уровнях не только социума, но и природы. Это само по себе вызывает интерес с точки зрения утверждения онтологического статуса указанного понятия².

Но хотя сеть естественно вовлечена как в мир физический, так и социальный, философская теория сетевого общества была изложена лишь в конце прошлого столетия и связана в первую очередь с именами двух исследователей – голландца Яна Ван Дейка³ и американца Мануэля Кастельса⁴.

Возникает вопрос: какие социально-экономические факторы обусловили в 1970-е гг. трансформацию всех сфер общественной жизни и возвести о новом сетевом мире, формирование которого продолжается по сей день? М. Кастельс так отвечает на этот вопрос: “Сетевая форма социаль-

---

¹ См. **Фролов С. С.** Социология. М., 1994, с. 248.

² См. **Пригожин И.** Сетевое общество // «Социс», 2008, №1, с. 24.

³ См. **Van Dijk J.** The network society: Social aspects of new media (De Netwerkmatschap-pij (1991), L. Spooenberg, Trans.). Thousand Oaks, CA: Sage. 2006.

⁴ См. **Castells M.** The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. 2000.

ной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества”⁵. Речь идет не просто о том, что новые информационные и коммуникационные технологии обусловили многонаправленную трансформацию всех сфер общественной жизни (термин “информационное общество” лишь подчеркивает роль информации в социальной системе). В современных технологических условиях мы столкнулись со специфической формой социальной организации, при которой “генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти”⁶ (такое общество, полагает Кастельс, целесообразно называть уже не информационным, а “информациональным”). Информационно-технологическая революция, преобразившая материальную основу социума и способствующая глобализации, изменила и отношения между обществом, экономикой и государством, что проявилось в культурных и социальных движениях 70-х гг. XX века, а также в кризисе, приведшем “к переконструированию двух существовавших в то время систем – капитализма и этатизма”. Технологии возымели огромные социальные последствия, что вполне естественно: “Технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов”⁷. Примером зависимости социальных трансформаций от технологий является роль государства, тормозящего, ускоряющего или возглавляющего технологическую инновацию, что становится решающим фактором развития, фактором, организующим и выражающим суть социальных и культурных сил, доминирующих в данном пространстве и времени⁸. Это означает, что судьба технологических изменений – в руках государства; соответственно бюрократические иерархии из страха перед технологиями, способствующими распространению духа свободы, препятствуют их развитию, что предопределяет кризис общества. Именно такой кризис, а позже и крах пережил советский этатизм, и это определило дальнейшую однополярность мира, ускорение глобализационных процессов и реструктуризацию капитализма. Началось масштабное становление информационализма как новой материальной и технологической основы экономического развития и социальной организации с сетевой логикой его базовой структуры.

Несмотря на то, что современный уровень технологий способствовал распространению сетевых структур, нельзя лишь этим обосновать становление общества нового типа, ибо структурная трансформация общественной организации предполагает более широкий спектр причин и условий. Предвестник новой структурной модели координации социальных процессов – это глобальность, один из основных результатов технологического

---

⁵ Кастельс М. Становление сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999, с. 494.

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000, с. 42–43.

⁷ Там же, с. 28.

⁸ См. там же, с. 438.

прорыва и процессов информатизации мира. Именно поэтому глобализация встала в последние годы в центре практически всех социально-философских исследований. Каковы же формулы ее реализации и что под ней подразумевается?

Прежде всего, нужно ответить на вопрос о начале процесса. Если под глобализацией понимать расширение социальных границ в результате контактов между народами, то она восходит к “осевому времени” Ясперса, открывшему смысл и назначение истории в ряду общечеловеческих ценностей. Однако ускоренная фаза глобализации связана с модернизацией, которая дала новые импульсы для формирования единых норм общественного поведения. Появление индустриально развитых стран ускорило цивилизационный процесс, ибо достижения науки, технологий и потребности экономики потребовали взаимодействия. Но глобализация эпохи модернизма значительно отличается от глобализации “постсовременной” фазы. По сути, модернизация стала своеобразной вестернизацией: в качестве модели инновационного развития Запад представил гражданское общество, светское государство и автономного (т. е. свободного и ответственного) индивида. Это повлекло за собой освоение западных достижений и переход от традиционного общества к современному, определив четкие границы между “ведущим” и “ведомым”, центром и периферией. Однако “сетевое общество” так и не возникло, ибо, в отличие от нашего времени, речь шла не о встречах европейцев с населением, скажем, американского континента, а об открытии европейцами новых земель за океаном⁹.

Многие философы и сегодня не снимают проблему соотношения “глобализация–вестернизация”, а лишь переводят ее в контекст “американизации” мира. В частности, В. Л. Иноземцев считает: «В отличие от европейской экспансии 16–20-х веков, целью которой было “цивиловать” народы периферийных стран и приобщить их к своей культуре, американизация направлена на использование возможностей периферийных народов и навязывание им своего видения мира»¹⁰. Согласно этой точке зрения общественные отношения и ныне регулируются с применением иерархической модели социальной координации или социальной политики, основанной на принципе контроля. Естественно, что, говоря о любом обществе, мы не исключаем тот или иной способ координации и взаимодействия, ибо любой тип социальной организации никогда не существует в чистом виде. Любое общество во все времена сохраняет определенную пирамидальность: даже в контексте демократизации политической власти, направленной в первую очередь на децентрализацию, сами демократии оказываются организованными иерархично. Именно такой пример приводит Ф. Фукуяма: “Америка обладает большей властью в системе мирового сообщества. Разница в том, что власть в демократическом обществе делается законной благодаря народному согласию и ограничена в своих правах

---

⁹ См. **Иноземцев В. Л.** Вестернизация как глобализация и “глобализация” как американизация // «Вопросы философии», 2004, № 4.

¹⁰ См. там же с. 66–68.

относительно индивидов. Демократическим иерархиям присущи те же несовершенства, что и их авторитарным аналогам, и в результате фактически все современные демократии испытывают сильное давление, направленное на децентрализацию, федерализацию, приватизацию и делегирование власти”¹¹.

Тем не менее, строгая централизация в современных условиях неприемлема, ибо технологический мир, укрепивший взаимосвязь и взаимозависимость стран и народов, умножил число субъектов действия. В первую очередь это связано с переходом в постсовременность, когда “модернистский прогресс” в силу слишком высокой цены потерял свою притягательность. Это повлияло на специфику глобализационных процессов с их гибридизацией фрагментирующих и унифицирующих сил, ставшей фактором реорганизации социальных пространств¹². Это означает, что мир лишился прежней единой парадигмы и преобразовался в децентрализованный и плюралистичный “хаос”. Развитие информационных технологий актуализировало интерпретацию глобализации как процесса вовлечения различных обществ в единое коммуникационное пространство. Для описания глобализационных процессов сетевого мира характерен подход Э. Гидденса: для него глобализация есть “интенсификация всемирных социальных отношений, в результате чего отдаленные регионы оказываются связанными друг с другом в том смысле, что местные происшествия отражают события, происходящие за много миль от них, и наоборот”¹³.

В современном обществе глобализация расширила сеть контактов и коммуникаций на всех уровнях социальности (экономическом, политическом, культурном, а также в сфере повседневного опыта), что способствовало диалогу различных культурно-мировоззренческих систем. Понятие “диалог” передает всю суть новой социальной конструкции, осуществившей технологический прорыв через границы национального государства и сформировавшей глобальное сообщество. Иерархический контроль над глобальным миром и управление им практически невозможны, и связано это не с намерением государств или уровнем цивилизации, а с характером сложившейся социальной системы – открытой, неравновесной и нелинейной. Эти ее особенности в контексте аналогии между эволюцией в сторону сетевого общества и процессами самоорганизации в природе были рассмотрены еще одним из основателей синергетики И. Пригожиным. Человеческое общество, утверждал он, с очевидностью удовлетворяет условиям дисбаланса. Жизнь возможна только в открытых системах, обменивающихся материей, энергией и информацией с внешним миром. Сетевое общество – “структура неравновесная, возникшая в результате недавних процессов в информационной технике”¹⁴. Соответственно оно нелинейно – качество, предполагающее множественность решений, что изначально

---

¹¹ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2004, с. 267–268.

¹² См. Pieterse J. N. Globalization as Hybridization. — International Sociology. V 9, № 2. June 1994.

¹³ Гидденс Э. Социология. М., 2005, с. 75.

¹⁴ Пригожин И. Р. Сетевое общество // «Социс», 2008, №1, с. 24.

осуществимо в рамках горизонтального взаимодействия, а не иерархического контроля.

В целом исторический путь человечества на любом своем этапе характеризовался сложными социальными процессами, ответственными за регулирование общественных отношений. Со временем эти процессы были отрефлексированы и выведены в определенные модели – уже отмеченную нами иерархию, основанную на принципе контроля, рынок, основанный на поиске баланса, и сеть, основанную на принципе горизонтального взаимодействия. Характеристика социальной организации зависит от доминанты того или иного принципа. О сетевой координации заговорили тогда, когда ее стали рассматривать не как проявление маргинального поведения некоторой модели (социальной, политической или экономической), а как нечто автономное и самоуправляемое. Глобальность и открытость современного мира предопределили перестройку социальной стратификации и общественной конфигурации в соответствии со стоящими перед обществом социально-политическими, экономическими и культурными задачами. Общество не способно терпеть “пирамиду” отношений в условиях тотальной информатизации, активизации коммуникационных процессов и при общей тенденции к демократизации. Общественная потребность в замене иерархической модели сделала необходимым дополнительный социальный ресурс, активизирующий сетевые конфигурации, которые позволят реализовать новый глобальный социально-экономический, политический и антропологический проект общественного мироустройства.

Как же проявляется “сетевой проект” в сферах общественной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, представим нынешние политико-экономические трансформации. Стремительно растущий охват мира информационными сетями ознаменован рождением “новой экономики”, которая предполагает уже указанные нами характеристики современного мира – информационность, глобальность и горизонтальность.

Под информационностью понимаются правила хозяйствования, предусматривающие наиболее широкое применение электронных технологий в процессах производства, распределения и потребления. Информационность обеспечивает новую экономическую инфраструктуру, которая характеризуется преобладанием неосязаемых активов, то есть услуг и технологий, образования и науки, что означает высокий удельный вес человеческого капитала. Можно сказать, что новая экономика предполагает переход экономической деятельности в электронную среду, что стимулируется множеством международных и наднациональных организаций и подтверждает глобальность преобразований.

Глобальность экономической инфраструктуры означает, что мировая экономика функционирует уже не просто как совокупность взаимодействующих национальных хозяйств, а как единая экономическая система и в масштабе всей планеты. Основную роль в формировании глобальной экономики играет транснациональный капитал и банки, мировые и регио-

нальные государственные союзы, международные организации. Управление капиталом осуществляет глобальный финансовый рынок. Вместе с тем глобализация предполагает и универсализацию проблем, тем более что нынешняя реальность в силу своей нелинейности и неравновесности значительно более сложна и неустойчива, чем в эпоху модерна. Глобальная инфраструктура предполагает не только общее развитие, но и глобальный кризис. Это доказывает недавний финансовый кризис, охвативший едва ли не весь мир и повлекший за собой повышение цен, уменьшение прибыли, безработицу и т. д. Спровоцировал его ипотечный кризис в США, начавшийся двумя годами ранее.

Информатизация и глобализация предопределили перестройку социальной структуры и установление доминанты сетевых отношений. Если в стабильном и неизменном мире модерна проблемы были изначально предсказуемы, то в глобальном нелинейном мире усложнение и ускорение перемен приводит к необходимости преобразовать традиционные иерархические формы организаций. Каждая эпоха создает форму организации, соответствующую ее темпу жизни. Информационный поток, ускоривший темп современной жизни, требует заменить пирамиду отношений латеральной коммуникацией: «Центральная, самая важная, решающая деятельность организаций все больше переходит от прямых отношений верх-низ к отношениям, направленным как бы “вбок”»¹⁵. Это необходимо, чтобы своевременно реагировать на глобальные трансформации. Причем сетевая модернизация затрагивает не только финансово-промышленные и международные объединения, но и отдельные фирмы и корпорации. М. Кастельс отмечает: «Чтобы маневрировать в новой глобальной экономике, характеризующейся непрерывными лавинами новых конкурентов, использующих новые технологии и приемы сокращения затрат, крупные корпорации должны были стать прежде всего более эффективными, а не более экономными. Сетевые стратегии добавили системе гибкости, но они не решили для корпорации проблему приспособляемости. Чтобы быть в состоянии усваивать выгоды сетевой гибкости, корпорация сама должна была стать сетью и пропитать динамизмом каждый элемент своей внутренней структуры: в этом, в сущности, и заключается смысл и цель модели “горизонтальной корпорации”, которая часто подразумевает децентрализацию ее единиц и наделение каждой из этих единиц растущей автономией, позволяющей им даже конкурировать друг с другом, хотя и в рамках общей стратегии»¹⁶. Подобные фирмы и корпорации сейчас принято называть “сетевым предприятием”. Классическое его определение дал президент компании Nokia Йорма Оллила: «Сетевое предприятие – это организация, в основе которой лежит непрерывное взаимное общение всех участников бизнес-процесса. Последний можно условно разделить на администрирование, производство, научные исследования, разработки и марке-

¹⁵ См. "The Decline of Hierarchy in Industrial Organizations", William H. Read, Business Horizons // Fall, 1965, с. 71-75.

¹⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000, с. 44.

тинг. При этом важно, что все единицы, входящие в такое предприятие, могут обладать полной юридической и экономической независимостью и самостоятельностью (stand-alone), по сути являясь совершенно другими компаниями. И в то же время зачастую именно эти “другие и независимые” являются ключевыми участниками бизнес-процесса, делая что-то для Nokia, а стало быть, они – тоже звенья одной сети»¹⁷. “Сетевая политика” подобных предприятий предполагает не только компании stand-alones, сотрудничающие на договорной основе, но и гибкий штат, неформальные отношения и такой организационный принцип, как *адхократия*, «демонстрирующий наименьшее “почтение” к классическим принципам менеджмента, и прежде всего к единоначалию»¹⁸. Являясь постоянным балансом между хаосом и самообновлением, глобальная экономика требует всё новых навыков и правил, и вполне естественно, что адхократия (в качестве проектного или оперативного менеджмента) становится для многих приемлемой. Сам термин был введен в 60-х гг. прошлого столетия американским социальным психологом Уорреном Беннисом¹⁹. Однако подробное описание адхократии в современном обществе представил Э. Тоффлер, который предсказал: “Пытаясь приспособиться к новому стилю организации, человек встретится с огромным количеством трудностей. Но он увидит себя не заключенным в узкую щель, уничтожающую его личность, а освобожденным, странствующим в мире кинетической организации с новой, свободной формой. В этом незнакомом пейзаже его позиция станет постоянно меняющейся, текучей, разнообразной. И его организационные связи, так же как его связи с вещами, местами и людьми, будут обновляться с огромной и постоянно увеличивающейся скоростью”²⁰. Можно сказать, что адхократия утвердила человека нового типа, заменив “преданного организации функционера” на творческого, активного профессионала, способного к постоянной реорганизации системы отношений в компании. Сегодня даже в функционально устойчивых образованиях конкретные задачи все чаще решают проектные команды, которые после расформирования выносятся. Управленцы становятся координаторами. В подобных системах люди дифференцируются не в соответствии с их рангом и ролью, а в соответствии с их навыками и профессиональными знаниями²¹.

“Открытая архитектура” сети, предполагающая отсутствие четкого центра и четких границ, а также влияющая на трансформацию внутренней мотивации компании, отражается на реорганизации не только “пирамиды”, но и рынка. Рынок отрицает иерархию, для него все участники равноправны. Но, как отмечает швейцарский исследователь Феликс Сталдер, являясь совокупностью отдельных действий (производство, сбыт и по-

---

¹⁷ <http://www.marketing-ua.com/articles.php?articleId=478>

¹⁸ Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб., 2004, с. 204.

¹⁹ См. "Beyond Bureaucracy, Transaction", July–August, 1965, с. 31-35; "Changing Organizations", J. Appl. Behav. Sci., vol. 2, № 3, с. 261.

²⁰ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002, с. 145.

²¹ См. "Changing Organizations", J. Appl. Behav. Sci., vol. 2, № 3, с. 261.

ребление), осуществляемых потребителями и фирмами, рынок становится местом, где социальные акторы вовлечены в стратегические действия по максимизации своих ресурсов и минимизации потерь. Сеть же выступает не простым наличием узлов (будь то индивид, корпорация или страна), а их соединений. Именно связи создают или конструируют узел как таковой (например, периферийное государство, не вовлеченное во всемирную торговлю через сеть соглашений и организаций, не может рассматриваться узлом в сетевой структуре)²². И если рыночная модель, акцентирующая торговую сделку и максимизацию особого интереса, ориентируется на конкуренцию, то сетевая модель предполагает и кооперацию. Последняя видна уже в адхократии: при гибкости отношений утрачиваются длительные рабочие контакты и профессиональные навыки заменяют “преданность фирме” “преданностью стандартам”, что в условиях глобализирующегося мира вполне объяснимо. Правила игры на мировом рынке таковы, что даже самой мощной компании не удастся работать в одиночку. Компании и корпорации объединяются в глобальные альянсы, число которых постоянно растет. Примером является стремительное развитие рынка телекоммуникаций и научно-исследовательских разработок: сейчас все ведущие мировые поставщики и производители в этой сфере (Ericsson, Intel, Microsoft, Toshiba и др.) объединены во всемирную Ассоциацию GSM (Global System for Mobile Communications), представляющую единый для всех стандарт.

В данном контексте интересна не только кооперация конкурирующих фирм, но и трансформация отношений между производителем и потребителем. Как известно, новой экономике присущ виртуальный характер, то есть взаимодействие субъектов рынка исключительно посредством компьютерных сетей. Киберпространство изменило ведение бизнеса и породило электронный рынок. Сейчас имеются интернет-магазины, интернет-банкинг, интернет-маркетинг, online аукционы и т. д. Переход рынка в электронную среду позволяет потребителю стать активным участником бизнеса. Доминируют отношения не между производителями и потребителями (business to consumer), но между потребителями (consumer-to-consumer), предполагающие обмен коммерческой информацией. Потребитель и его мнение становятся для компании своеобразным рекламным щитом, ибо обмен опытом потребления того или иного товара и взаимодействия с той или иной компанией – важнейший рейтинговый фактор.

Естественно, сетевые преобразования не ограничиваются экономической сферой, затрагивая и все остальные, в том числе политическую. На первый план выдвигается реконструкция отношений государство–общество, которая проанализирована в “теории политических сетей”. Согласно ей сети “открывают правительство перед обществом”. Полностью меняется взгляд на государство как агента политики. Вопреки бюрократической идее, что государство доминирует в выработке политики, сетевой подход видит в нем и его институтах важных, но не единственных акторов

---

²² См. **Stalder F.** Open Cultures and Nature of Networks. New Media Center. 2005, с.79-87.

политических решений. Обусловлено это тем, что информационные технологии лишают государство монополии на информацию. В свою очередь утрата информационной власти снижает властные полномочия. Государство вынуждено обмениваться ресурсами с другими политическими агентами, что породило термин “управление без правительства” («governing without government»)²³. Естественно, что присутствие других политических акторов предполагает структуру управления, при которой государство сотрудничает с гражданским обществом. Соответственно трансформируется его управленческая функция: «Современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами и ограниченной компетенцией и ресурсами»²⁴. То есть государство включает общество в процесс принятия решений, а руководство и управление осуществляются путем переговоров между государственными и негосударственными структурами.

Таковы современные модели демократии. Они склонны к партиципаторности²⁵, что предполагает активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. Другие модели предполагают рефлексивную или “размышляющую” демократию, когда власть чутко реагирует на сигналы от общества²⁶. Обе эти модели воплотились в делиберативной (совещательной) концепции Юргена Хабермаса. Она стремится разрешить противоречия между либерализмом, который защищает свободу индивида от государства, религии, национальных предрассудков, и коммунитаризмом, стремящимся сплотить людей солидарностью. Либерализм, с точки зрения коммунитаризма, слишком сосредоточен на индивиде и его правах, игнорируя всеобщее благо. Иными словами, коммунитаристы актуализируют социальную природу личности (а значит, и такие ценности, как безопасность, стабильность, общественные связи), а не ее свободу и автономию. Подобная разнонаправленность сказывается и в отношении к государству. Для либералов политика есть выражение политической воли граждан и частных интересов, имеющих общественное значение; для коммунитаристов неприемлемо сводить политику к роли посредника, так как она призвана поддержать существование общества. В контексте столкновения двух этих моделей демократии делиберативная модель стала политической схемой сетевого мира. Центральным ее элементом выступает концепция гражданского общества как связующего звена между гражданами и государством. Гражданское обще-

---

²³ См. **Rhodes R.** Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham: Open University Press, 1997, с. 394.

²⁴ **Hanf K., O'Toole L.** Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter-Organisational Relations // European Journal of Political Research. Special issue. 1992. Vol.21, p.166.

²⁵ См. **Barber B.** Participatory Democracy. // Encyclopedia of Democracy. Vol. 3. New York, 1995. с.923.

²⁶ См. **Etzioni A.** The Active Society. Collier-Macmillan, 1968.

ство – это совокупность организаций и движений, которые улавливают сигналы из сферы частной жизни и, усиливая, переправляют их в публичную сферу. То есть гражданское общество – своего рода гарант сохранения коммуникативной структуры публичной сферы²⁷. При этом гражданское общество с выработанным статусом единого сетевого агента, опирающегося на ”бессубъектные формы коммуникации, которые <...> управляют потоком дискурсивного образования мнений и воли”²⁸, несводимо к механической сумме отдельных индивидов и сохраняет характерный для сети принцип целостности.

В делиберативной модели гражданского общества реализуется не только целостность, но и открытость и децентрализованность сети. Основной принцип делиберативной демократии – свободный обмен мнениями, когда побеждает точка зрения, получившая общественную поддержку. Коммуникативная рациональность, на которую опирается эта модель, преобразовывает делиберативный процесс в массовые консультации по общественно значимым проблемам, привлекающие к публичной политике как можно больше граждан. В условиях совещательной демократии, устанавливающей равновесие в отношениях Я–Другой, каждый выступает равноправным звеном сетевого сотрудничества и определенным центром целостной системы. ”В ассоциации свободных и равных все должны иметь возможность понимать себя в качестве авторов тех законов, связанность с которыми каждый в отдельности ощущает как их адресат”²⁹.

Анализ социально-экономических и политических трансформаций показал, что вовлеченность в сеть стала необходимым условием полноценного участия в жизни общества. При этом ныне, как и на всех этапах человеческой истории, по-прежнему возникают проблемы, обусловленные многообразием оценочных интерпретаций. Расширение и демократизация социальности, наглядные при сетевом конструкте, не только оптимизируют отношения, но и ведут к антропологическим трансформациям, связанным с ”расширением” самого человека. В результате в рамках свободы выбора, возможности новых идентификационных конструктов и кризиса идентичности пополнился ряд парадоксов современного мира. Но это – отдельная тема философского анализа.

ԿԱՐԻՆԵ ՅԱՐԱԼՅԱՆ – Ցանցը որպես տեղեկատվական աշխարհի օպտիմալ ձևաչափ – Հոդվածում դիտարկվում է տեղեկատվական աշխարհի կառուցվածքային առանձնահատկությունը, որը դրսևորվում է հասարակական հարաբերությունների ցանցային ձևաչափի համատեքստում: Որպես հիմնական վերակառուցողական գործոններ ներկայացված են տեղեկատվայնացման և համաաշխարհայնացման գործընթացները, որոնք նպաստեցին բաց, անհավասարակշիռ և ոչ գծային աշխարհի կայացման:

²⁷ См. **Habermas J.** The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquire into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity, 1991, с.73-79.

²⁸ **Хабермас Ю.** Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992, с. 75.

²⁹ **Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001, с. 196.

նը, ինչը, իր հերթին, հաստատեց հորիզոնական հարաբերությունների գերակշռության անհրաժեշտությունը հասարակական կյանքի բոլոր ոլորտներում:

KARINE YARALYAN – *Network as an Optimal Format of the Information Society Relations.* – The present article is concerned with the structural peculiarity of the information society that is actualized in the context of networked relations. The author analyses informatization and globalization of the human society as being main reorganization agents contributed to the development of open, disequilibrium and non-linear world. In its turn, the latter increased the need for dominance of horizontal interactions in any sphere of social life.